

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФОГЕЛЬМАН – 60 ЛЕТ В ЦНИГРИ (К 105-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

07 июня 2018 г. исполнилось 105 лет со дня рождения ведущего специалиста по металлогении золота, одного из «старожилов» ЦНИГРИ – Натальи Александровны Фогельман. В память о выдающемся учёном знакомим читателей с основными вехами её научной деятельности, малоизвестными страницами биографии, воспоминаниями близких людей и мемуарами Натальи Александровны.

Из официальных источников

В ЦНИГРИ (НИГРИЗолото) Н.А.Фогельман проработала с 1938 по 2004 гг. с перерывом в годы Великой Отечественной войны, когда она занимала должность заведующей геолого-поискового бюро треста «Каззолото» в Казахстане.

Творческий путь Натальи Александровны совпал по времени со становлением института, а по сути – с формированием научных школ, решением многих геологических проблем и исполнением крупных государственных задач, обеспечивших страну благородными металлами. Н.А.Фогельман – яркий представитель славной кагорты учёных института, воспитавшей несколько поколений высококлассных геологов. Результаты её глубоких новаторских исследований, проведённых в ряде регионов России и Казахстана, определили «золотой век» отрасли и сейчас способствуют развитию минерально-сырьевой базы нашей страны.

В 1947–1951 гг. Н.А.Фогельман изучена геологическая позиция основных золоторудных месторождений в региональных структурах Северного Казахстана, составлены геолого-структурные карты рудных полей и районов с выделением ру-

доконтролирующих дизъюнктивных структур и блоковой тектоники каледонид. С 1952 по 1955 гг. она исследовала золоторудные месторождения Кузнецкого Алатау и выявила при этом процесс предрудной метасоматической диоритизации вмещающих эффузивных толщ, а также этажное строение рудного поля, определяющие размещение золото-сульфидно-кварцевого оруденения штокверкового типа. Последующие десять лет руководила группой по изучению золоторудных районов Забайкалья. Особое внимание на этой территории ей уделено позднемезозойским сводово-глыбовым структурам и разработке критериев поисков близповерхностного оруденения бaleyского типа, для которого впервые была выдвинута концепция вулканогенно-гидротермального генезиса в связи с криптовулканическими и взрывными аппаратами раннемелового вулканизма. Накопленный материал лёг в основу докторской диссертации на тему «Мезозойские структуры области активизации Забайкалья и закономерности размещения золотоносных районов», защищённой в 1966 г. С 1967 г. Наталья Александровна занималась изучением золоторудных районов Казахстана, а позднее стала организатором и активным участником крупных работ Мингео СССР по методическому обеспечению прогнозно-металлогенических карт на золото м-ба 1:500 000 и составлению комплекта карт для главнейших золоторудных провинций СССР. В последние годы активно разрабатывала вопросы рудно-формационного анализа применительно к золоторудным месторождениям. Научные исследования Н.А.Фогельман характеризуются глубоким проникновением в суть геологических явлений, умением находить оригинальные творческие решения.

Результаты научной деятельности Н.А.Фогельман отражены в многочисленных публикациях. В 1968 г. издана её монография «Тектоника мезозойского сводового поднятия Забайкалья и закономерности размещения в его пределах золоторудных месторождений». В последующие годы при активном участии Н.А.Фогельман в соавторстве с ведущими специалистами в ЦНИГРИ выпущены в свет монографии и книги: «Геология и закономерности размещения эндогенных месторождений Забайкалья» (1970), «Типовые условные обозначения и методика составления среднemasштабных прогнозных карт на месторождениях золота для областей активизации и орогенных систем» (1975), «Методические указания по со-

Сотрудники ЦНИГРИ, 1995 г. Стоят слева направо – А.П.Петров, И.А.Шувальский, Б.В.Рыжов, Г.К.Степанов, Ю.М.Щепотьев, А.Ф.Фоминых, Б.П.Макаров, А.К.Кондратенко, Н.Н.Александров, Л.И.Яковлев, В.А.Хорев, Л.Д.Суслова, А.А.Соловьев, сидят – Н.А.Фогельман, М.Б.Бородаевская, А.И.Дубинчик, Е.Я.Синюгина, А.А.Макарова, Г.П.Воларович, Ф.А.Шохор, Л.Я.Лапина, В.И.Петрова

ставлению прогнозных карт на золото масштаба 1:200 000–1:500 000» (1982), «Основы прогнозирования золоторудных месторождений в терригенных комплексах» (1986), «Прогнозирование и поиски месторождений золота» (1989), «Методика поисков золоторудных месторождений» (1990). Кроме того, список трудов Н.А.Фогельман содержит около 80 названий статей, опубликованных в различных периодических научных изданиях, и большое число оставшихся в рукописи работ.

Будучи человеком отзывчивым и предельно доброжелательным, Наталья Александровна снискала любовь и уважение коллектива ЦНИГРИ. Она показала себя умелым и ненавязчивым педагогом, искренне увлечённым наукой, подготовила достойную научную смену из своих учеников.

Заслуги Н.А.Фогельман отмечены медалью «За доблестный труд», знаками «Отличник разведки недр», «Почётный разведчик недр», многочисленными благодарностями в приказах Мингео СССР и ЦНИГРИ.

Из мемуаров Натальи Александровны Фогельман

«Мать (Анна Васильевна Надеждина-Фогельман) – провинциальная гимназистка, окончившая Бестужевские курсы и ставшая отличным педагогом-словесником, обладала недюжинными организационными данными, занимая в советское время посты завучей и директоров школ среднего образования. У неё был несомненный талант воспитателя. Ученики любили её и многие становились друзьями на всю жизнь. Отец (Александр Александрович Фогельман) – моя первая пламенная любовь. Он был инженером, одним из первых

автомобилистов России, возглавлявшим автобазу в Варшаве, где меня и угораздило родиться. Это неизменно вызывало подозрительное недоумение у всех начальников отделов кадров, где бы я ни работала. Будучи интеллигентным и чрезвычайно образованным человеком, он был аристократически прост в обращении. У него была очень спокойная, уравновешенная натура и великодушное чувство юмора.

В 1930 г. я поехала в Ленинград поступать в Горный институт. Принимали без экзаменов, учитывая лишь социальное происхождение и положение абитуриентов. Всего приняли свыше 800 человек, из которых почти все были «от сохи или от станка». Лишь 12 мест предоставлялось так называемым «спецдетям», т.е. детям специалистов, заслуживших доверие Советской власти. Почти всем претендентам на это место было отказано, в том числе и мне... Но в день последнего заседания апелляционной комиссии приходят с Дальнего Востока документы, подтверждающие высокие качества моего отца – он был председателем дальневосточного отделения общества «Автомобиль» – и меня принимают.

Учили нас бригадно-лабораторным методом. Создавались бригады, и зачёты сдавали всей бригадой, во главе которой, как правило, стоял один из «спецдетей», имевший нормальное среднее образование. А остальные, из которых лишь немногие имели рабфак, «ехали на горбу» своего бригадира. Я оказалась в своей группе единственной девушкой. Вообще-то в институт приняли много женщин, но, благодаря моей фамилии, на письме как бы и мужскую, меня записали вместе с мужчинами на геодезическую практику в Токсово.

Н.А.Фогельман в семейном кругу

Через некоторое время нам, бригадирам, удалось объединиться в одну сильную бригаду. Учиться и сдавать зачёты стало очень легко, каждый из нас хорошо шёл по какому-нибудь одному предмету и натаскивал по нему остальных.

В 1931 г. первый раз арестовали моего отца. Правда сам он тогда «дёшево отделался» – пока его везли по этапу в Хабаровск, где ему предполагалась заглавная роль в контрреволюционной организации, там, не дождавшись, на эту роль поставили кого-то другого. В результате ему дали всего-то «минус 2» – то есть оставили без права проживать в Москве и Ленинграде. И он вскоре выехал в Астрахань, куда за ним последовала и мать. И вот тогда был период, который мне вспоминается очень тяжело!

В один «прекрасный» день в институте меня вызвали в отдел кадров, и там какой-то тип велел следовать за ним. И привёз меня ни больше ни меньше как в главное управление ГПУ на Горюховой улице. В кабинете начальника я увидела на столе мое «дело». Мне сказали, что я являюсь членом «Союза защиты отцов, арестованных правительством», который якобы возглавляет мой друг Гарволи, требуя соответствующих сведений о нём и об остальных членах этого союза. Потом меня вызывали туда ещё много раз. Иногда выпускали только под утро, когда невские мосты были разведены! Не добившись от меня соответствующего признания, «они» переменили тактику. Мне было сказано, что раз я такой советский человек, я должна соглашаться на сотрудничество – то есть стать сексотом, подписав соответствующую бумагу. Я сказала, что согласна на сотрудничество только гласное, так как никакие тайны не умею скрывать.

В конце концов всё кончилось... Мне было сказано: «Больше можешь сюда не приходить, но и в институт можешь больше не ходить». Я всё-таки пошла в институт, и через некоторое время как-то узнала, что «дело» мое из органов вернулось.

Думается мне, что, возможно, это отец мне помог, согласившись признать свою «вину» с условием, чтобы меня не трогали».

Из воспоминаний Александра Александровича Гангуса (сына Н.А.Фогельман)

«Моя мама в 1989 г. на моё желание отправить её погостить на пару недель в семью дальних родственников в Германию, где её с благоговением ждали, сказала решительно: не поеду. Когда наконец я взмолился «Ну скажи, почему?», она каким-то незнакомым, упрямым голосом произнесла: «Мне стыдно, что я там им скажу...» Я выпытывал, почему стыдно, довольно долго. Понял следующее. Мама, которая учила меня никогда и ни под каким видом не врать, органически не могла «осторожно цедить слова» в ответ на прямые вопросы. А то что она должна была сказать, было ужасно прежде всего тем, что проливалось ужасный свет на всех, кто не сажал, не расстреливал, не клеймил на собраниях, не воровал, но молчал. У мамы погибли в Гулаге отец и свёкор (мои деды), сестра, моя тётка, почти двадцать лет провела в Долинке в Карлаге и рядом, в Джолымбете, в ссылке. Может быть, ещё и потому, что не отсидела, как отец и сестра... Немного знал я людей с таким чувством стыда за содеянное не ими, но теми, кому не сумели противостоять, помешать».

Из мемуаров Натальи Александровны Фогельман

«Ну и, наконец, 1935 год. Защита диплома и мой переезд из Ленинграда в Москву. Приглашение на работу в Москву в Гиредмет я получила от М.И.Альтгаузена, который в этом институте заведовал геологическим отделом. По глупости я при поступлении написала в анкете (ведь, безусловно, можно было этого не делать!) о том, что мой отец находится в лагере. И вот... я замечаю, что надо мной тучи сгущаются... К счастью, Мишеньке Альтгаузену удалось добиться вместо увольнения на все четыре стороны перевода меня в Казахстанскую партию (уже не гиредметовскую) с камеральной обработкой материалов в Москве. Я получила разрешение работать с микроскопом и заказывать шлифы в ИГЕМе, в кабинете, где работал тогда крупнейший петрограф того времени Владимир Сергеевич Коптев-Дворников.

Дальше моя судьба, в смысле карьеры, складывается довольно удачно – мне всё-таки удалось найти работу в Москве. Однажды Т.М.Дембо (сослуживец из Гиредмета) на концерте в Большом зале консерватории познакомил меня с Николаем Ивановичем и Марией Борисовной Бородаевскими. И я получила от них предложение поступить на работу в только что организованный институт

НИГРИЗолото. Вскоре, невзирая на мою анкету, немного ознакомившись с уровнем моих знаний, меня принял сам директор института Николай Николаевич Горностаев!.. Увы, через три дня после этого он был арестован (и впоследствии расстрелян).

Я выезжаю в партию, возглавляемую Н.И.Бородаевским, на Урал, на месторождение Берёзовское. Здесь я встретилась с московскими гидрогеологами. Один из них проявил ко мне повышенный интерес. Когда он представился, произошло нечто весьма удивительное. Он расшаркался и произнёс:

– Александр Рудольфович Гангнус!

Я изумилась:

– Вы..?! Так ведь мы же знакомы...

И он, потрясенно:

– Боже! 27-й год!.. Крым!.. Наташа Хабаровская!..

(Когда мы проживали в Хабаровске, родители отправили меня вместе с сестрой на экскурсию в Крым. Именно там произошло моё первое знакомство с моим будущим мужем А.Р.Гангнусом.

Начался стремительный роман. При этом он сказал мне, что женат, есть сын (Е.А.Евтушенко), но это ничего не значит, он уедет в Москву, всё там устроит, и мы с ним останемся работать в Берёзовске. И вот поселились мы в Берёзовске. Он работал на руднике. Я, кажется, что-то тоже делала. И там родился мой старший сын Саша. Вернувшись в Москву, я не вернулась в НИГРИЗолото (это произошло уже после войны), а стала работать в гидрогеологической партии мужа. Плохо помню о том, что я делала в Москве, в этом Сашинем ГИПРОЗолото, но полевые работы по проблеме водоснабжения оказались для меня

очень важными и интересными. По-существу, здесь я впервые составила полную геологическую карту Богумбай-Бестюбинского района. Бесконечные маршруты глазомерной съёмки, считая шаги. Я до сих пор их непрерывно про себя считаю».

Из воспоминаний Александра Александровича Гангнуса (сына Н.А.Фогельман)

«Этот рассказ мы слышали в детстве, юности и позже много раз. О поистине героическом подвиге – путешествии за колючую проволоку к сестре Елене Александровне Фогельман, заключённой знаменитого лагеря Долинка (Казахстан). Что у меня есть тётя, которая весёлая и замечательная, но при этом меня не видела и которую и мне почему-то нельзя видеть, я во время войны слышал много раз и, пожалуй, связывал эти обстоятельства именно с войной (хотя тётя ещё в 1937 г. была приговорена «тройкой» к 5 годам лишения свободы как член семьи изменника родины с отбыванием наказания в Карагандинском ИТЛ ОГПУ-НКВД СССР – Карлаге, и в общей сложности провела в Карлаге 8 лет), у многих вокруг были родные и знакомые, которых либо уже убили, либо с ними нельзя было пока так просто встретиться.

И вот туда, в Долинку, за колючую проволоку, используя, конечно, свой геологический образ жизни (сегодня – здесь, завтра – там) и навыки общения с самыми разными на этих маршрутах людьми, мама никому, даже бабушке, ни намёком, ничего не сказала, собралась и поехала. Не знаю точно ни год, ни времени года, когда состоялась эта дерзкая вылазка. Кажется, осень. До окончания тюремного срока тётки и до конца войны было далеко.

Конечно, кроме Почты СССР работала и ещё какая-то тайная почта. Среди конвоиров и вольнонаёмных в королевстве Долинка попадались различные люди и через них доходила необходимая информация. Мама действовала по инструкции. И в зоне её ждали. И при этом опасность (и не только для мамы и тётки, но и для всей цепочки помогавших ей людей – тётка говорила, что никогда ни до ни после она такой плотной концентрации порядочных, интересных, самоотверженных и смелых людей больше не встречала) – была самая нешуточная – речь шла не только о свободе, но и о жизни многих.

Первой задачей перед мамой было добраться по железной дороге от Степняка (ближайшая станция Щучинск) на юг до столицы Карлага Долинки. Ближайшая станция, ворота в эту «каторжную нору» носит казахское название Карабас. Все поезда с севера в Алма-Ату проходят теперь через эту станцию, самую заурядную, обычную для скучающего глаза проезжего. Короткие поездки тогда все были в телячьем порожняке, где были

Н.А.Фогельман с сестрой

буржуйки для отопления и нары. У этих вагонов были проводники, с ними надо было договариваться. Видимо, так, незаметно и не фиксируясь в бумагах, мама перенеслась за 400 примерно километров из тогдашней Кокчетавской области за Караганду. Ехала целый день, товарный поезд-порожняк подолгу стоял на станциях-разъездах. Поезд был не абы какой, а определённый, приходящий в Карабас в вечерних сумерках с толпой вольных служителей невысокого полёта и членов их семей со всего Карлага. Эта толпа была непременным условием успеха – в толпе можно затеряться и стать как бы невидимкой, если не задавать дурацких вопросов, с готовностью скромно улыбаться на скабрзные шуточки. Главное условие – не привлекать внимание.

Мама вышла на пристанционную площадь, сливаясь с кучкой в основном неплохо знакомых между собой людей, устремившихся к горбтому автобусу, по счастью единственному, а значит тому самому, заветному, не надо спрашивать и угадывать.

– Все что ль? – спросил водитель.

– Все, – в разной ответили пассажиры. – Поехали!

Автобус покотил. Пока всё как надо. И пока ничего не нарушено. Там впереди, через полча са колючка и КПП. И там главное, чтобы никто не спросил... Ну, например, пропуск. На этот случай только один выход – притвориться дурочкой, вот мол еду к сестре повидаться, завтра хотела идти в комендатуру просить о свидании, а про колючую проволоку и режим – так без понятия. Вероятность, что номер бы прошёл без тяжких последствий – оставалась. Но уж тогда никакого свидания с сестрой. И какие-то неприятности – например, по работе, были бы точно. Стоп! КПП. В единственную переднюю дверь всовывается физиономия в фуражке со звездой. Гул привет-

ствий – вохровца многие знают и он многих. Вглядывается...

– Ну, вроде все свои... – в голосе отчётливое нежелание возиться и устраивать проверку документов. Мама позади, темно – но старается выразить на лице то, что у всех – нетерпение и усталое удовлетворение, что вот путь завершён и уже почти дома.

Вохровец выходит, ворота распахиваются. Уф! Автобус катится по аллее, мама всматривается. Посёлок как посёлок, здесь живут охранники и вольные. Есть бараки, есть и домики с палисадничками. Ещё до остановки на площади уже наметила, куда идти, вспоминая затвержённую инструкцию. Нужен именно такой вот дом с палисадничком, и на калитке номер...

Автобус останавливается. Толпа вываливается и расходится, желают друг другу спокойной ночи. Ни в коем случае не мешкать и не показывать никакой неуверенности! И мама размашистым своим геологическим шагом деловито устремляется к будке туалета, украшающей главную площадь городка незамысловатой своей архитектурой. И запирается на крючок.

Выждав положенные три минуты и убедившись, что автобус укатил и на площади ни души, выходит и заворачивает в нужную – кажется – улицу и идёт, отсчитывая дома как инструктировали. Должно быть здесь. Калитка, на ней номер. Видно плохо, но видно – тот самый. Окна светятся. Рука над калиткой, вниз, нащупывает деревяшку-запор, поворачивает. Калитка открывается. Идёт по еле видимой дорожке к освещённому окну, стучит. Мужчина, будто ждал: – Кто?

– Пётр Фёдорович, это Наташа...

Дверь открывается.

– Проходите. Ну наконец-то! Садитесь, отдохайте. Я пошёл за Еленой.

Дальше встреча, слёзы и радость (не виделись 4 или 5 лет) и целая ночь разговоров – на другой день по отработанной видимо давно схеме маму, заваленную какими-то матрасами, нужно было вывозить в фургоне на конной тяге назад на станцию Карабас – опять в сумерках к определённому составу теплушек...»

Из книги Роберта Ритчера «Невыдуманные рассказы»

«В конце лета 1978 г., оформив очередной отпуск, я полетел на Дальний Восток, в Приморский край. Так случилось в жизни, что там, в небольшом горняцком городе Дальнегорске (бывшем Тетюхе) оказались все мои ближайшие родственники: мать и три брата.

В Приморье я тогда явился не просто так, а по поводу: 23 сентября матери исполнялось 70 лет, и я прилетел её поздравлять. Старший брат повёз меня на море – это километров за пятнадцать. Мы расположились рядом с небольшой группой: двое мужчин и немолодая женщина. Брат, оставив меня, сразу подошёл к ним, о чём-то минут десять они там говорили, потом он вернулся назад и повёл меня знакомиться. Мужчины, как я и предположил, были местными геологами, а женщина оказалась гостьей из Москвы, из НИИ геологии, и к тому же не просто женщиной, а доктором геолого-минералогических наук. Она назвалась Натальей Александровной, из вежливости задала мне несколько вопросов и вернулась к началу с коллегами разговору. Брат мне сказал, что фамилия столичной геологии – Фогельман, что она очень крупный специалист по драгоценным металлам и что коллеги из старательской артели «Восток» пригласили её помочь им разобраться в каких-то геологических загадках. Она немка и во время войны, как и все, была на высылке где-то в Казахстане.

Только немало лет спустя случилось мне узнать кое-какие подробности о той случайной знакомой, и некоторые из этих подробностей прямо-таки поразили своей неожиданностью. Наталья Александровна Фогельман родилась в 1913 г. в интеллигентной полунемецкой семье, поступила в Ленинградский горный институт (она была единственной девушкой на своём потоке) и с успехом окончила его. После института её распределили на работу в Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт в Москве и вскоре послали на Берёзовский золотой прииск. Там пришлось провести не дни и даже не месяцы, а годы. Потом была война и был Казахстан, где ей всё же повезло: работать она продолжала по своей специальности.

В 1966 г. в Москве, в своём родном НИИ, она защитила докторскую диссертацию на мудрёно звучащую тему, связанную с разведкой золота. Она уже тогда была одним из самых авторитетных в СССР специалистов по золоторудным месторождениям и успешно сочетала научное творчество с практической деятельностью. За свою жизнь она написала с десятков монографий и множество научных статей по главной теме своей профессиональной деятельности – золоту и дру-

гим драгоценным металлам. При этом, как насчитали её сыновья, за плечами матери было ни много ни мало – 50 полевых сезонов. Сыновья как-то подсчитали, что за свою жизнь их мать обогнула пешком земной шар два с половиной раза.

Говорят, что артисты, горные пастухи и геологи живут дольше других, и не только дольше живут, но и дольше других остаются при деле. Наталья Александровна Фогельман тоже прожила долгую и непростую жизнь и не оставляла свою работу до глубокой старости.

Мужем её в 1938 г. стал Александр Рудольфович Гангнус, тоже коллега-геолог. «Геолог и поэт», как сказал о нём один из его сыновей. Произошло это в Берёзовске, там же в конце июня следующего года родился и их первенец, названный по отцу (или по деду) Александром. Чаще всего супругов воедино спаивает только чувство, здесь же было сложнее: их объединяло не только чувство, но и единая профессия, одна национальность и общее горе: их отцы были арестованы, оба они получили сроки по пресловутой 58 статье.

Александр Рудольфович (цитирую одного из его сыновей) «был хорошим гидрогеологом – нашёл множество подземных источников воды для рудников Казахстана, проводил ещё в 30-е годы изыскания створа будущей Братской ГЭС, предложил идею канала Иртыш-Караганда...» А вот что писал другой сын: «Александр Рудольфович был во всём красивым человеком – он был не только сам красив, но красиво читал стихи, красиво относился к женщинам, никогда не поступал некрасиво по отношению к друзьям». Брак А.Р.Гангнуса с Н.А.Фогельман был вторым. Первый – распался, но там подрастал сын Евгений, родившийся в 1932 г. Когда началась война, его отправили к бабушке по матери в Иркутскую область, на станцию Зима. В конце войны в Москву возвратился уже не Евгений Гангнус, а Евгений Евтушенко. Ныне это имя знает каждый».

Из воспоминаний Александра Александровича Гангнуса (сына Н.А.Фогельман)

о Евгении Александровиче Евтушенко

«Мама много хлопотала о Жене, папа брал его, как и нас с братом, в геологические экспедиции.

О привязанности Жени к моей маме я могу судить по своим детским еще воспоминаниям. Женя прибежал похвастаться публикацией, гонораром, с писательского съезда, с похорон Сталина, поговорить о прочитанной книге, о нашумевшем фильме – и с мамой (даже уже и без папы) это был весёлый раскованный разговор.

Потом встречи мамы с Женей стали реже, но в 2004 г. буквально за пару месяцев до маминой смерти Женька вынырнул из своей «Оклахомщины» и пришёл к нам – буквально чтобы проститься с ней. Тогда он произнёс несколько взволнованных фраз, о том, как он её всегда уважал и любил, как много она для него значила еще в юности».

Из мемуаров Натальи Александровны Фогельман

«Начиная с лета 1931 г. счёт идет уже по левым сезонам. Итак, в 1931 г. мне удалось договориться (при этом мне пришлось соврать, что я умею ездить верхом) с одним студентом-старшекурсником, чтобы он взял меня на практику после первого курса в партию, в которую он был взят прорабом, и которая должна была проводить свои изыскания в горах Таджикистана. Это был в то время басмаческий район, и девочек туда на практику не брали. Это были самые первые изыскания под построенную много позже гидроэлектростанцию на реке Вахш (Нурек). Приехав в Среднюю Азию, мы пробыли в Ташкенте и Душанбе почти месяц. Партию не выпускали в поле до поимки предводителя басмачей Ибрагим-Бека.

В конце концов всё же двинулся наш караван, к которому временно были добавлены ещё вьючные лошади, к месту полевых работ, где мы вели маршруты высоко в горах над долиной Вахша.

Стоянка была на берегу. В составе партии были пятеро мальчишек в возрасте от 15 до 20 лет. Никакого прораба в поле мы так и не видели. Начальник партии, задав нам маршруты и задания, надолго бросал нас на нашего местного проводника.

Мы кочевали из одного кишлака в другой. Завидев наш небольшой караван на склоне горы, жители нередко, приняв нас за басмачей, прятались, но увидев, что среди нас есть женщина, приглашали нас к себе, но не в дома, а на глинобитную терраску перед примитивной мечетью.

Пол этой терраски пересекали узенькие арыки, и я видела, как жители по вечерам, тихо переговариваясь, глядят на эти арыки так, как в России смотрят на костёр. После обильного угощения

Сыновья Н.А.Фогельман с Е.А.Евтушенко

меня просили пойти к женщинам, хотевшим на меня посмотреть. Они собирались со всех кишлаков, рассматривали меня и ощупывали. Особенно они удивлялись моим голым плечам (я часто была в сарафане), так как они привыкли прятаться от солнца. И везде интересовались, есть ли у меня дети. Сначала, ответив на этот вопрос отрицательно, я выслушивала такие соболезнующие охи, что стала говорить, что есть. Начав с одного (это опять-таки вызывало их огорчения), я постепенно довела количество моего потомства до четырёх человек.

Практика 1933 года – уральская непроходимая тайга, и в ней две девчонки: я – 20 лет, Надя – 18 (из Свердловского геологического техникума) и рабочий, сравнительно молодой ещё человек с Украины, опухший от перенесённого там голода. На телеге нас завезли в совсем необитаемую часть тайги в 12 км от станции Губаха, куда раз в неделю мы бегали получать по карточкам хлеб и немного пшена. И всё! Выручали лесные ягоды, особенно, малина. Работа была тяжкая – находить в тайге и обследовать огромные карстовые воронки, спускаясь в них до самой глубины».

Из воспоминаний Александра Александровича Гангнуса (сына Н.А.Фогельман)

«Мама курила, это одно из самых ранних детских воспоминаний. Дымили они с отцом на крошечных послевоенных квадратных метрах по-чёрному. На наши приставания – почему, зачем курит – следовал виноватый рассказ. Еще до окончания института они с подружкой: мама – начальник, подружка – коллектор были на практике где-то на северном Урале с совершенно настоящей научной темой и увлечённо ходили в маршруты. Жили летом в лесу в зимовье, и до поры до времени шло нормально, только уж очень новыми соседками заинтересовались окрестные медведи. И к зимовью подходили, и высовывали любопытствующие морды из малинника, когда привал делали или записи в полевую книжку.

Пожаловались приставленному к ним проводнику, местному охотнику, раз в неделю навещавшему «спедицию» с котомкой продуктов. Тот не стал смеяться, а вполне всерьёз посоветовал курить, хоть понарошку – медведь табаку не переносит. И оставил курева. Задымили – и страхи кончились, медведи нашли себе другое развлечение. Дымили поначалу и вправду понарошку, потом втянулись.

А осенью – попытались обе прекратить, да не тут-то было...»

Из воспоминаний Елены Александровны Фогельман (сестры Н.А.Фогельман)

«Ещё не совсем даже совершеннолетняя мама училась работать самостоятельно и не теряться при любых неожиданностях и трудностях – качество необходимое в профессии геолога.

После первого курса на практике в Таджикистане она была в одной из первых партий, работавших на реке Вахш. Лето у неё было насыщено всякими интересными приключениями. Партия должна была там работать до октября. А Наташе нужно было вернуться в свой Горный институт к 1 сентября, иначе грозили крупные неприятности. Начальник не хотел из-за неё возвращаться в Душанбе, чтобы там с ней расплатиться. Он даёт ей чек в банк, даёт проводника и двух лошадей. В последний момент, по какому-то наитию, он суёт ей еще доверенность на продажу этих лошадей. Наташа с проводником приезжают в Душанбе, проводник немедленно исчезает. На базе она обнаруживает только одного геолога в тяжёлой

малярии. В банке ей сказали, что денег нет и неизвестно, когда будут – в те дни это не было редкостью – зарплату задерживали систематически. Тогда начинается одиссея с продажей лошадей – на рассвете она их пасёт где-то за городом, а потом ведёт на базар. Лошади плохо кормленные, плохо ухоженные – их никто не берёт. А время идёт, на третий день она уже стоит на базаре, еле сдерживая слезы (ей ведь 17 лет!). Все на базаре её уже знают. И вот, когда она уже совсем в отчаянии (она должна выезжать сегодня же), к ней подходит мужчина и заговаривает с ней. В шутку говорит, что лошади у неё, наверное, злые. «Ну, что вы» – говорит Наташа, протягивает руку к лошади, а та её укусила! Это была последняя капля – Наташа заревела. А её новый знакомый говорит: «Идёмте намажем руку йодом и поговорим». Она ему всё рассказала. Он оказался начальником кирпичного завода, и купил у неё лошадей.

Деньги есть, но надо уехать сегодня же. Идёт на вокзал – билетов нет, только по броне. Она идёт в какой-то республиканский исполком, но рабочее время окончено, уборщица ей говорит, что, кажется, кто-то остался ещё вот в этом кабинете. Она входит – какой-то начальник уже закрывает портфель. Сходу она выпаливает ему всю свою историю. И этот дядя ей даёт бронь!»

Из воспоминаний Валентины Симоновны Зориной старшего научного сотрудника ЦНИГРИ

«Мне (вместе с Екатериной Александровной Алекторовой) посчастливилось более 30 лет работать под руководством Натальи Александровны Фогельман.

Обаяние её многогранной личности, эрудированность, широта научных взглядов, увлечённость и преданность любимой Геологии были необыкновенно привлекательными. Поражало её отношение к молодёжи. Каждый из нас чувствовал её интерес и внимание и мог рассчитывать на помощь и поддержку.

Сотрудники отдела благородных металлов. Стоят слева направо – И.Н.Егоров, Г.М.Левитан, ?, Д.А.Тимофеевский, Н.А.Ершова, сидят – Л.В.Михайлова, В.С.Зорина, Н.А.Фогельман, Е.А.Алекторова, Е.П.Мионов

Под научным руководством Натальи Александровны сформировалась группа молодых специалистов, владеющих различными методиками исследований, которую она сумела нацелить на решение региональных проблем золотоносности Восточного Забайкалья и Казахстана. Многие из её учеников и коллег выросли в интересных исследователей, защитили диссертации: Е.А.Алекторова, В.С.Зорина, Л.С.Шер, Б.Г.Горелов, Ю.П.Мионов. А сколько статей, авторефератов, диссертаций прошло через неё! Критика всегда была доброжелательной, а ценные советы улучшали работы.

Присущие Наталье Александровне демократичность и уважение к людям особенно ярко проявлялись в экспедиционных условиях. Для неё все были равны: рабочие, водители, коллекторы, научные сотрудники. В форс-мажорных ситуациях под проливными дождями она принимала участие в разбивке лагеря, ставила палатки, в длинных маршрутах стремилась разделить тяжёлые образцы с девушками-коллекторами, много часов работала в шахтах. Всё это создавало особую атмосферу в коллективе. Её уважали и любили.

Наталья Александровна – человек глубокой порядочности и особой «питерской» интелли-

гентности. Рядом с ней все становились чище, добрее, умнее.

Она щедро делилась с нами всем, что знала и любила. Знакомила с новыми книгами, в дождливые дни в мокрой палатке наизусть читала стихи Гумилёва, Ахматовой, Цветаевой, которые в то время были труднодоступны. Зимой мы вместе ходили в консерваторию на концерты. Наша совместная работа с переросла в многолетнюю дружбу, когда невзгоды переживаются легче, а радости и удачи становятся общими.

Наталья Александровна Фогельман была для нас наставником, другом и эталоном нравственности.»

Дирекция, Учёный совет ЦНИГРИ и редакция журнала «Руды и металлы» выражают искреннюю благодарность Александру Александровичу Гангнусу, Владимиру Александровичу Гангнусу и Зориной Валентине Симоновне за предоставленные материалы и всестороннюю помощь в подготовке данного очерка.